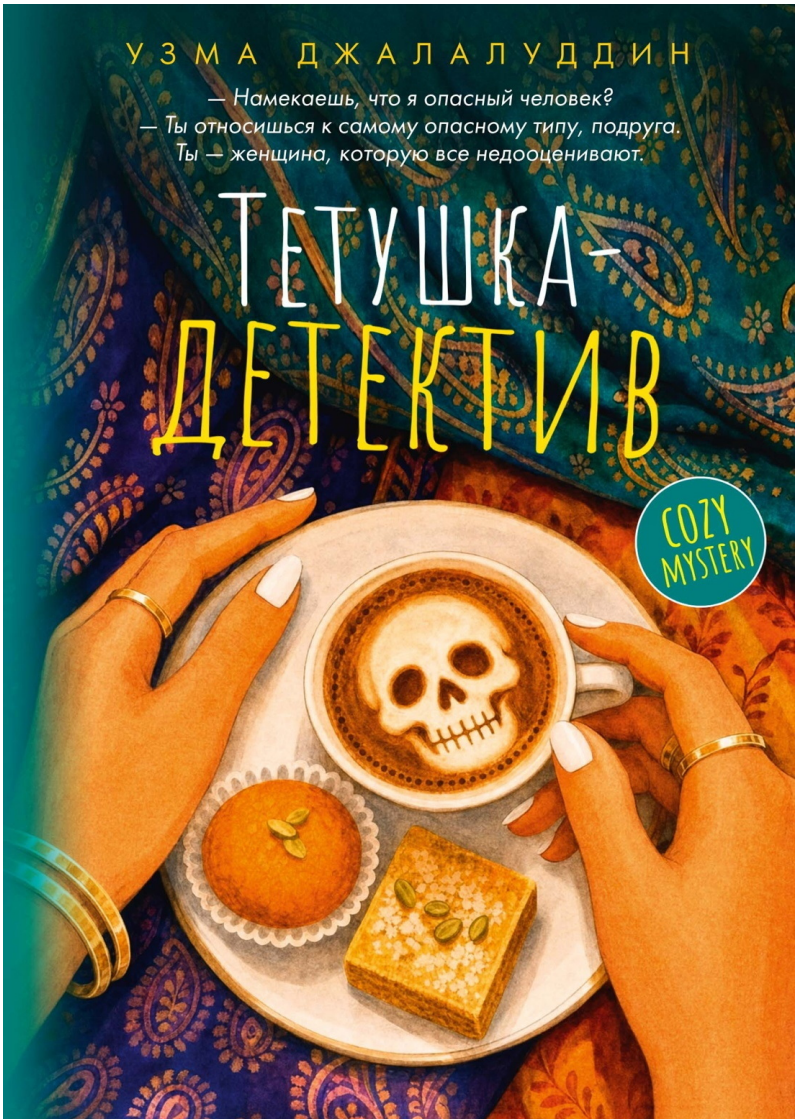
УЗМА ДЖАЛАЛУДДИН

— Намекаешь, что я опасный человек?
— Ты относишься к самому опасному типу, подруга. Ты — женщина, которую все недооценивают.

ТЕТУШКА-ДЕТЕКТИВ

COZY MYSTERY

Узма Джалалуддин

Тетушка-детектив

Серия «Высокое напряжение. До смерти иронично»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74718076
Тетушка-детектив : роман / Узма Джалалуддин ; [пер. с англ. А. Яковлева].: АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-35569-9

Аннотация

– У меня неприятности. Произошло убийство, и я главная подозреваемая.

С этими словами Каусар Хан позвонила дочь Сана. В ее бутике модной индийской одежды нашли труп. Кто-то заколол Имрана, владельца торгового центра, в котором Сана арендовала помещение, и все улики указывают на нее.

Полная решимости помочь дочери, Каусар впервые за почти двадцать лет отправляется в Торонто, откуда бежала после трагической гибели младшего сына.

Вернувшись в Золотой Полумесяц, где она вырастила своих детей и где до сих пор живут почти все ее родственники и добрые друзья, Каусар обнаруживает, что некогда процветавший район

изменился. Убийство Имрана – лишь звено в череде нераскрытых преступлений.

Каусар Хан – женщина с острым взглядом и умением разбираться в людях, отточенным годами, – чувствует, что за этой историей скрывается нечто большее, чем рассказывает ее дочь. Заручившись поддержкой старых друзей и своей отважной внучки-подростка, она начинает расследование.

ВЕДЬ КТО МОЖЕТ ВЫВЕСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ НА ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР ЛУЧШЕ, ЧЕМ МИЛАЯ И С ВИДУ БЕЗОБИДНАЯ ТЕТУШКА?

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Узма Джалалуддин
Тетушка-детектив

Посвящается моей свекрови Фузие, любительнице хороших детективов, и моей маме Азмат, открывшей для меня Агату Кристи. Всем «тетушкам», начинающим второй акт своей жизни, – вы не одиноки!

Серия «Высокое напряжение. До смерти иронично»

Uzma Jalaluddin
DETECTIVE AUNTY

Перевод с английского *Александра Яковлева*

© 2025 by Uzma Jalaluddin
© Яковлев А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Пролог

Каждая душа вкусит смерть. Имран помнил эту фразу с детства, из уроков с матерью; для него, шестилетнего мальчика, эта фраза из Корана ничего не значила. Тогда его мысли задержались лишь на том, что у смерти есть вкус – и он, очевидно, какой-то особенный, – а потом перескочили на то, какую бы еду потихоньку стащить на кухне. Теперь, почти пятьдесят лет спустя, вдали от родной Индии, Имран понял, что у смерти действительно есть вкус: он металлический и едкий. Он несет с собой ужас, отчаяние и, наконец, сверхъестественное спокойствие.

Имран знал, где он находится и что происходит. В те последние мгновения, когда еще была возможность двигаться и действовать, он пытался спастись. Теперь он лежал на полу, тело отяжелело и застыло в неловкой позе, а постепенно сужающееся поле зрения застилал мрак. Внезапная вспышка боли, словно что-то сдвинулось в центре груди, сменилась тупым неотступным давлением.

Имрану хотелось рычать от обиды. Отец дожил до старости и умер в окружении близких. Разве сам он этого не заслужил?

Рядом вновь послышались шаги, затем навалилась какая-то тяжесть. Теперь уже скоро. Тьма подступила совсем близко; Имран чувствовал, что некая смутная фигура под-

жидает его, проводя по его лицу и телу призрачными пальцами.

Что бы там ни рассказывала мать, он не верил в загробную жизнь. Только теперь он впервые подумал о суде, который, как обещали, состоится в могиле, – ангелы, усевшись ему на грудь, вынесут приговор: наказание, боль или покой. Тело Имрана сотрясла судорога, оно в последний раз затрепетало от холода. Он знал, чего заслуживает, и эта мысль приводила его в ярость, вызывала желание причинить кому-нибудь боль.

С последним выдохом он произнес свои последние слова. Шаги внезапно замерли: некто застыл на месте. Наконец-то он заставил кого-то себя выслушать.

Имран Тхакур умер со слабой улыбкой на устах, довольный тем, что оставляет мир несколько худшим, чем тот был в момент его появления на свет.

Глава 1

Один из самых страшных телефонных звонков в жизни Каусар Хан раздался обычным утром, поменяв в ее мире все, от уклада до смысла.

С тех пор как у ее мужа Хасана диагностировали рак поджелудочной железы, прошло шестнадцать месяцев, со дня его смерти – почти год. В то утро Каусар проснулась, не подозревая о грядущем хаосе. Но если она за свои пятьдесят семь лет чему-то и научилась, так это остерегаться периодов безмятежного спокойствия.

После телефонного разговора, длившегося двадцать три секунды, она долго сидела, уставившись в пустоту, лишь краешком сознания воспринимая привычную и надежную обстановку уютной гостиной: мягкое кресло, в котором Хасан провел первый месяц после постановки диагноза; каменный камин, затопить который они собирались каждую зиму, но так и не собрались; обтянутый кремовой тканью диван, на который она только что бессильно опустилась; деревянный кофейный столик, где стояла чашка быстро остывавшего чая[1] и лежала стопка книг Агаты Кристи в мягких обложках. Они с мужем оба любили детективы, хоть он и ворчал, что Каусар слишком легко угадывает, кто убийца.

---

[1] Имеется в виду индийский напиток чай масала, с молоком и специями.

Вся обстановка просторной комнаты, которую она оформила в бежевых и темно-синих тонах, поселившись семнадцать лет назад в этом аккуратном бунгало, угнетала ее теперь, когда она пыталась осмыслить услышанное.

«Амми[2], – чересчур спокойным тоном произнесла в телефон ее старшая дочь Сана. – Ты мне нужна. Приезжай в Торонто. Срочно».

Каусар не смогла вымолвить ни слова, парализованная двумя взаимоисключающими мыслями: во-первых, ей никак нельзя возвращаться в Торонто, а во-вторых, если дочь об этом просит, значит, случилось что-то ужасное.

Сана продолжала тем же странно спокойным голосом, словно говорила о чем-нибудь простом, обыденном… и неизбежном:

«У меня неприятности. Произошло убийство, и я главная подозреваемая».

– Сану подозревают в убийстве? Поверить не могу! – повторила Мэй Килдэр, лучшая подруга Каусар в Норт-Бее. Она примчалась через час после того, как Каусар отправила ей сообщение: «Я лечу в Торонто. Сможешь отвезти меня в аэропорт?»

Мэй, белая женщина, родившаяся и выросшая в этом городке Северного Онтарио, была одета, как обычно, в леггинсы и безразмерную рубашку, которая только подчеркивала ее миниатюрную фигуру. Теплый апрельский ветер, зале-

---

[2] Мама *(урду)*.

тавший в открытые окна старенького темно-зеленого джипа, тщетно пытался растрепать ее светлые волосы, уложенные в короткую прическу: на прошлое Рождество дети в шутку подарили Мэй огромный флакон лака для волос.

Не отрывая взгляда от шоссе, Мэй вела машину строго со скоростью пятьдесят километров в час – на десять меньше официального ограничения, на двадцать меньше неофициального. Какой-то внедорожник, посигналив, подрезал ее, но она не обратила на это внимания. Хорошо хоть, что подруга отложила расспросы о причинах столь спешной поездки, пока они не отправились в аэропорт. Ответить ей Каусар смогла далеко не с первой попытки: она сама до сих пор не могла поверить в происходящее.

Моя дочь, Сана Хан, тридцати шести лет от роду, проживающая в Торонто, замужняя мать двоих детей, подозревается в совершении убийства и находится сейчас в полицейском участке в ожидании ареста и предъявления обвинения.

Кто был убит? Когда? Как? У Каусар не было ответов на вопросы подруги. Все, что она могла сделать, – мысленно проставить галочки, готовясь впервые за долгие годы покинуть Норт-Бей. Заказать билет на рейс в тот единственный на свете город, который она надеялась никогда больше не увидеть, – сделано. Собрать дорожную сумку – сделано. Успокоиться – не получилось, но она пыталась.

До Торонто всего четыре часа езды на машине, но Каусар

уже семнадцать лет не садилась за руль. Мэй знала почему и все годы их дружбы безропотно выполняла обязанности шофера. Они познакомились, когда собственная жизнь казалась Каусар разбитой; подруга помогла ей собрать осколки и построить новую. Она почувствовала прилив благодарности – даже теперь Мэй понимала: нужно дать Каусар спокойно посидеть и подумать, что делать дальше. Первым делом, добравшись до Торонто, сразу поехать к Сане домой и позаботиться о внучках; Сана ясно дала понять, что в полицейский участок идти не следует.

– Когда она сказала, что ее арестовали, у меня в голове помутилось, – произнесла Каусар вслух. – Ах, если бы Хасан был со мной. Он бы знал, что делать.

– Хасан рад, что ты здесь и можешь позаботиться о детях в его отсутствие. А ты более чем способна это сделать, – сразу же заверила ее Мэй. Она была на десять лет старше, у нее имелось четверо детей и двенадцать внуков (и ожидалось пополнение). Они познакомились в местной библиотеке вскоре после переезда Каусар в Норт-Бей и сблизились на почве общей любви к Луизе Пенни[3]. – Не исключено, что возвращение в город даже пойдет тебе на пользу, – добавила она, искоса взглянув на подругу.

Торонто был для Каусар городом призраков. Каждый год, собравшись с духом, она решала навестить дочь и внучек. И всякий раз, после того как Хасан уже успевал обо всем до-

[3] Канадская писательница в жанре детектива.

говориться, Каусар отменяла поездку. «Нет, лучше весной. Или летом, когда у Малихи и Физзы каникулы. В Рамадан, когда мы сможем вместе разговляться».

Потом у Хасана обнаружили рак, и речь о поездке уже не заходила. А теперь Сана – ребенок, никогда не доставлявший матери ни малейшего беспокойства, – находилась под подозрением в совершении убийства.

Каусар вознесла краткую дуа[4]: «Пусть все это окажется недоразумением». Чтобы ее Сана могла совершить акт насилия? Это немыслимо. Чтобы дочь оказалась в тюрьме – это вообще за гранью возможного. Самым неожиданным событием, связанным с ее дочерью, было прошлогоднее решение Саны открыть бутик модной восточной одежды. Но этот бизнес вполне подходил ее организованной и стильной дочери. Торжественное открытие магазина состоялось прошлой осенью, мать на нем не присутствовала.

– Я могу приехать через несколько дней, – предложила Мэй, прервав мысли Каусар. – На случай, если тебе понадобится помощь.

– Спасибо. – Каусар улыбнулась подруге. – Но я заказала обратный билет через неделю. Я уверена, что произошла какая-то ошибка. Кроме того, ты сейчас нужна Дженни.

– Откуда ты знаешь? – недоуменно спросила Мэй, затем усмехнулась. – Я понимаю, почему Сана в первую очередь позвонила тебе. Она знает: мама сможет вычислить, что на

[4] Молитва, личное обращение мусульманина к Аллаху.

самом деле произошло, – возможно, даже раньше тамошних полицейских.

Каусар с улыбкой покачала головой.

– Думаю, она просто хочет, чтобы мама была рядом.

– Все равно, меня каждый раз поражает, когда ты узнаешь о моих детях что-то такое, чего я еще не знаю.

– Я очень рада за Дженни, – осторожно сказала Каусар. – Хотя в прошлый раз мне показалось, что ей немного не по себе.

Судя по всему, Мэй не была готова обсуждать в подробностях проблемы своей младшей дочери, а потому торопливо сменила тему.

– Что ж, буду ждать новостей. Значит, справишься сама?

Каусар бросила взгляд на свою объемистую черную кожаную сумочку, куда перед тем уложила две маленькие фотографии – на одной они с Хасаном в день свадьбы, почти сорок лет назад, на второй – неугомонный озорник с дерзкой улыбкой, ее младший сын Али, навсегда оставшийся пятнадцатилетним…

– Иншаллах, – ответила она. Мэй не нужно было объяснять это универсальное слово, которое переводится с арабского как «на все воля Божья», но может означать и «надеюсь», и «постучи по дереву», и «вашими молитвами».

Мэй въехала на небольшую автостоянку муниципального аэропорта имени Джека Гарленда – воздушные ворота в отдаленные районы Северного Онтарио и в сам город. С тех

пор как Каусар впервые оказалась здесь, аэропорт почти не изменился.

Когда Хасан понял, что жене нужно сменить обстановку и уехать из Торонто, он связался со старым знакомым из канадской армии, а тот навел справки на базе 22-го крыла Канадских ВВС в Норт-Бее. Эта база когда-то была оживленным центром североамериканского командования воздушно-космической обороны, следившим за действиями Советского Союза во время холодной войны, да и теперь продолжала отслеживать все самолеты, прибывающие в Северную Америку. Оригинальное здание с подземной штаб-квартирой, способной выдержать прямой ядерный удар, было чудом инженерной мысли. В 2006 году база была выведена из эксплуатации и переехала в более компактное современное здание, но сокращение финансирования привело к резкому уменьшению численности военного персонала. В результате 22-е крыло стало единственной базой канадских ВВС без самолетов. Но в расположенном рядом городке требовался врач, и Хасан получил эту работу. Они с Каусар переехали, оставив Адама и Сану в Торонто заканчивать университет, а Али – в месте его последнего упокоения. Как ни больно было расставаться с детьми и городом, который успел стать ей родным, Каусар понимала, что выжила только благодаря переезду в Норт-Бей.

Они купили маленький дом. Хасан сразу же погрузился в медицинскую практику: лечил армейских ветеранов, пен-

сионеров и прочих жителей городка, включая растущую мусульманскую общину. Каусар проводила дни в хлопотах по дому, ходила в библиотеку, занималась садоводством, пытаясь как-то прийти в себя после утраты сына. Прошел почти год, прежде чем она смогла вставать с постели раньше полудня, и еще год, прежде чем она научилась испытывать простые житейские радости без примеси чувства вины. Но мало-помалу им с Хасаном удалось создать некое подобие новой жизни.

На похороны Хасана собрался почти весь городок; морозильник у Каусар был забит поминальными угощениями, которые она не могла заставить себя съесть.

Мэй свернула на парковку у входа в аэропорт. В это время дня на стоянке было пусто. Она взяла с заднего сиденья небольшой бумажный пакет и протянула его Каусар. В нем лежал блокнот с ярким узором из желтых, фиолетовых и оранжевых цветов на лоснящейся обложке из искусственной кожи.

– Чем-то напоминает твой садик, – объяснила Мэй. – Мои ученики считают, что век бумаги прошел, но мне всегда приходится что-нибудь записывать. Этот блокнот поможет тебе в расследовании, тетушка-детектив.

Каусар когда-то рассказала подруге о принятых в их культуре почтительных обращениях: каждого взрослого человека называют тетей или дядей, даже если ему всего тридцать лет; настоящим же кровным родственникам присваивают-

ся специальные титулы в соответствии с их ролью в семье. Этот обычай умилил Мэй, и она стала называть себя «тетушкой-учительницей», а иногда «измученной тетушкой». А Каусар она скоро стала в шутку звать «тетушкой-детективом».

– Я не детектив. – Каусар растроганно улыбнулась, глядя на подарок. – Я просто замечаю некоторые вещи.

– Значит, это блокнот для заметок. – Мэй вложила подарок в руку подруги и, помолчав, нерешительно спросила: – Как ты узнала про Дженни?

Когда Каусар укладывала подарок в сумочку, у нее возникло такое сильное ощущение дежавю, что закружилась голова. Словно она уже переживала этот момент – то ли в другой жизни, то ли во сне. *Я просто замечаю некоторые вещи.*

– Мне запомнилось, как она любила всякий фастфуд во время предыдущей беременности. А недавно я видела ее в продуктовом магазине: она взяла две бутылки сальсы и три пакета чипсов. Я буду молиться за нее и за ваше счастливое число тринадцать.

По лицу Мэй пробежала тень, и Каусар засомневалась, что правильно истолковала ситуацию. Хасана то забавляли, то раздражали ее «фокусы», как он их называл. Каусар совершенно непроизвольно замечала в поведении, облике и словах людей то, чего не замечали другие, а затем подытоживала свои наблюдения. Для нее это было так же естественно, как дышать. Например, заметив, что рукав местного имама немного испачкан в чем-то ярко-оранжевом, она поняла, что

у него сейчас гостит сестра, которая прекрасно готовит домашний ачар чатни[5]. А много лет назад она без всяких расспросов узнала, что ее восьмилетнюю дочь дразнят в школе. Но не всем нравилась ее наблюдательность. Когда Каусар попросила имама передать приветствия его сестре, он удивился и даже насторожился. То, что ей казалось естественным, окружающие – даже собственные дети – считали бестактной назойливостью. В конце концов она начала просто копить свои наблюдения в уме и изображать удивление всякий раз, когда кто-нибудь делился с ней давно известным ей секретом.

С Мэй все было по-другому. Обычно подруге нравились ее «заметки». Но на сей раз что-то пошло не так. Каусар решила потом созвониться и узнать, все ли в порядке: может быть, в жизни Дженни происходит не только долгожданная беременность, а что-то еще.

– Прошел всего год с тех пор, как умер Хасан, – начала Мэй, снова меняя тему. – Я знаю, что время на самом деле не лечит боль утраты. Но, несмотря на печальные обстоятельства, я рада, что ты едешь в Торонто. Ты так долго здесь у нас пряталась… – В глазах подруги были сочувствие, понимание – и не только. Мэй в одиночку растила четверых детей после того, как от нее ушел муж – уехал куда-то на нефтяные месторождения Альберты. Чтобы прокормить семью, она работала учительницей в старших классах, репети-

[5] Острый индийский соус.

торствовала, преподавала в летней и вечерней школах. Лишь несколько лет назад, выйдя на пенсию, она позволила себе немного расслабиться. – Жизнь еще не кончена, не забывай об этом. Тебе всего пятьдесят семь. Это твой второй акт. Все в твоих руках. – Мэй достала из багажника дорожную сумку Каусар.

Подруга желала ей добра, но Каусар воспитывалась в другой культуре. Она вышла замуж за Хасана в семнадцать лет, вскоре после окончания средней школы в Хайдарабаде. Ему было тридцать два, он успел отслужить в канадской армии и стать врачом. Хотя его родители переехали в Канаду, когда Хасан был еще ребенком, они хотели женить его на девушке «с далекой родины» и организовали помолвку через общих знакомых. Дата бракосочетания была назначена после двух коротких встреч, во время которых беседовали только их отцы, а молодые лишь застенчиво переглядывались. Несмотря на разницу в возрасте и нежелание ее родителей отправлять единственную дочь в Канаду, согласие было получено: у семьи Хасана сложилась очень хорошая репутация. Кроме того, редко можно встретить врача, который не просит за невестой большого приданого.

Но самой Каусар все же нелегко было выходить замуж за совершенно незнакомого мужчину. Хасан оказался добрым человеком, и со временем их связала настоящая крепкая любовь, не угасшая после нескольких десятилетий брака, рождения троих детей и даже тяжелой утраты сына. И все же Ка-

усар всегда знала свое место: она жена и мать, ее мир ограничивается домом, детьми и социальными приличиями. Для друзей она оставалась миссис доктор Хасан Хан, а достижения и личность мужа сливались с ее собственными.

Каусар понимала, что живет в достатке, и ни на что не жаловалась. Когда дети пошли в школу, она выучилась на психолога на вечернем отделении. Она знала, что никогда не будет работать по специальности, но училась с удовольствием. Идея начать жизнь заново во «втором акте» могла показаться привлекательной таким людям, как Мэй. Каусар же полагала лучшим, на что теперь имеет смысл надеяться, несколько десятилетий тихой спокойной жизни. Мечты, в которых она боялась признаться даже самой себе, – о приключениях, интригах, о том, чтобы внести свой вклад в общество самостоятельно, а не только в качестве жены и матери, – давно рассыпались в прах.

Каусар подхватила свою сумку и обняла Мэй.

– Перья уже подняты, и страницы высохли, – процитировала она известную мусульманскую поговорку.

Мэй недоверчиво покачала головой.

– Я не знаю, что это значит, Каусар Хан. Но жизнь больше, чем сидение дома в одиночестве в окружении призраков и воспоминаний.

Глава 2

Рейс задержали на час, и все это время Каусар не находила себе места. Неужели Сану арестовали? Где она сейчас – в тюремной камере? Нужны будут деньги для выхода под залог? Каусар понятия не имела, как работает канадская система уголовного правосудия: ей не приходилось сталкиваться с ней лично. Все ее знания по этому предмету были почерпнуты из американских и британских детективов.

В прошлый раз, когда семье пришлось иметь дело с полицией, всем занимался Хасан. Каусар тогда была не в состоянии разговаривать с полицейскими, адвокатами, следователем и названивавшими репортерами. Но Хасана уже нет, а Сане нужна помощь.

Внимание Каусар привлекла цветастая обложка подаренного блокнота. Она вынула его из сумки и раскрыла на первой странице. Вверху аккуратным почерком Мэй написала: «Расследование Каусар Хан» – а заглавные буквы в имени и фамилии украсила завитушками. Каусар улыбнулась неуемному оптимизму подруги.

Они познакомились, когда Мэй еще преподавала историю в местной средней школе. Знакомство переросло в дружбу. Вскоре Мэй случайно обнаружила необычайную наблюдательность Каусар, и та помогла ей разобраться с несколькими школьными кражами, одним случаем плагиата и еще один

раз, когда понадобилось выяснить, кто из троих близнецов – подростков с криминальными наклонностями – совершил проступок.

«У каждого из нас есть своя сверхспособность, – как-то сказала Мэй. – Я могу мотивировать нерадивых учеников и интересно преподавать подросткам историю Канады. А ты рождена, чтобы раскрывать тайны».

Наконец объявили посадку. Каусар показала стюардессе свои водительские права; та внимательно посмотрела на фото, сравнивая его с лицом пассажирки. Каусар регулярно продлевала права, хотя не садилась за руль со дня смерти Али.

Очередь на такси в аэропорту Торонто была небольшой. Вежливый водитель – судя по виду, земляк – умело вывел машину на оживленное шоссе 401, ведущее на восток к Скарборо, пригороду, где жила Сана.

Рамадан давно закончился, и уже сейчас, в конце апреля, в Торонто повсюду виднелись признаки начала строительного сезона. Городской пейзаж запестрел подъемными кранами, а высотные многоквартирные дома со стеклянными фасадами тянулись к небу, как секвойи, соперничая за лучший вид на бурлящий жизнью мегаполис.

Такси свернуло с шоссе на центральную улицу. Каусар не отрываясь смотрела на заполненные людьми тротуары; кто-то ждал автобус, родители везли в колясках маленьких детей, кучками стояли подростки; многие из прохожих черта-

ми лица напоминали ее саму.

Уверенно проехав по узким улочкам плотно застроенного пригорода, водитель остановился перед большим двухэтажным особняком и выскочил из машины, чтобы помочь пассажирке достать сумку. Каусар вручила ему щедрые чаевые.

Нашарив в сумочке ключи от дома Саны, Каусар пошла по подъездной дорожке. Когда Хасан был здесь в последний раз, Сана вложила эти ключи ему в руки. Каусар помнила тот восторг, с которым он рассказывал, что дочь попросила его считать этот дом своим. В некотором смысле так оно и было – отец выплатил большую часть его стоимости.

Дом был большой, с подъездной дорожкой на три автомобиля. Из просторной прихожей, где Каусар разулась, дверь вела в большую гостиную с потолком на высоте семи метров и с окнами во всю стену, через которые лился, радуя душу, яркий солнечный свет. Дом казался безлюдным, но вскоре послышался шум быстро приближающихся шагов.

– Амми. Ты приехала, – проговорила Сана и бросилась в объятия матери.

Поначалу Каусар растерялась. Почему Сана дома? Всю дорогу она переживала, что дочь допрашивают в полицейском участке или держат под стражей. Сана объяснила, что вернулась всего пятнадцать минут назад, а затем повела мать в просторную кухню открытой планировки – с хромированной фурнитурой, белыми мраморными столешницами и обширным кухонным островком. Каусар остановилась на пороге,

любуясь свободным пространством, оформленным в минималистском стиле Саны. Все сверкало и выглядело ухоженным и дорогим.

– Следователь по этому делу не хотел меня отпускать, но я сказала, что муж в отъезде и за детьми некому присмотреть, – объяснила Сана, усаживаясь на отливающий хромированным блеском, но на вид не очень удобный барный стул – ноги у нее не доставали до пола.

В свои тридцать шесть лет Сана была красавицей с большими темными глазами, окаймленными густыми ресницами. Нос у нее был с горбинкой, как у Хасана, но в остальном черты лица почти полностью повторяли материнские: губы с легким изгибом, густые темные брови, безупречная смуглая кожа. Лицо Саны с годами округлилось, фигура чуточку раздалась и, на взгляд Каусар, стала больше соответствовать высокому росту дочери, который Сана даже подчеркивала, отдавая предпочтение обуви на высоких каблуках – хотя у нее имелась и обширная коллекция изысканных традиционных туфель, украшенных вышивкой и блестками. Она любила нарядные добротные вещи и часто носила блузки с брюками из хлопка, льна или шерсти, даже когда ходила по делам или готовила ужин. Ее страсть к порядку распространялась на весь дом – в раковине не было ни одной грязной тарелки, на столе после завтрака не осталось ни пластиковых контейнеров, ни липких пятен.

Сегодня Сана была в яркой, вышитой золотом оранже-

во-голубой курте[6] и таких же брюках-капри. Блузка и брюки выглядели на удивление свежими, как будто их владелица не провела целый день на допросе в полицейском участке. Словно прочитав мысли матери, Сана оттянула рукой ткань и поморщилась.

– Они забрали мою одежду. На ней было много крови, – пояснила она чуть дрогнувшим голосом. – Я даже не заметила, как перепачкалась, пока полиция не приехала. Сняла с вешалки первый попавшийся костюм, хотя такие цвета не ношу.

Дочь в шоке, поняла Каусар. Движения Саны были порывистыми, с едва заметной дрожью. Каусар непроизвольно начала выдвигать ящики кухонного шкафа в поисках металлического заварочного чайника. Она поставила чайник на плиту и вылила в него две чашки воды, а затем разыскала чайные пакетики и стручки кардамона.

– Прими душ, Сана, бета[7], – посоветовала она. – Дети скоро вернутся из школы, а нам нужно поговорить. Я позабочусь обо всем.

На лице Саны промелькнуло облегчение, сменившееся любопытством при виде цветастого блокнота, который Каусар оставила на кухонном столе. Не спрашивая разрешения, Сана взяла его и раскрыла на первой странице с амбициозной надписью: «Расследование Каусар Хан». Прищурив-

---

[6] Традиционная длинная туника с вышивкой.

[7] Детка, доченька *(урду)*.

шись, она молча положила блокнот на стол и послушно направилась в ванную.

В идеале *чай* нужно заваривать не меньше двадцати минут, так что Каусар обычно прибегала к сокращенной процедуре: пакетик и кипяток. Но сегодня ей хотелось дать и Сане, и себе время осмыслить случившееся. Она положила в чайничек три пакетика, а когда вода закипела, добавила кардамон и задумалась. Ее обычно невозмутимая дочь была потрясена, причем сильнее, чем мать себе представляла. Внучки, скорее всего, понятия не имеют, что происходит. А где Хамза, муж Саны, с которым она прожила почти шестнадцать лет?

Она отогнала внезапно нахлынувшие, давно подавленные воспоминания о прежней жизни в Торонто. Здесь она сильнее, чем в Норт-Бее, ощущала призрачное присутствие Али. Склонившись над плитой, она почувствовала, как по затылку пробежали мурашки, а в душе возникла уверенность: обернувшись, она увидит Али, спускающегося с верхнего этажа. Сын спросит, что сегодня на обед, а потом примется уговаривать ее сготовить ему что-нибудь быстренько перекусить.

Чай уже кипел: темная жидкость бурлила, благоухая пряностями. Каусар щедро добавила молока, которое остудило напиток и придало ему насыщенный золотисто-коричневый оттенок. Каусар оставила чай доходить на медленном огне, и, когда Сана – с влажными волосами и посвежевшая – спу-

стилась вниз, чай был готов.

Каусар поставила на стол две дымящиеся кружки и жестом пригласила дочь сесть рядом:

– Ну, рассказывай, что случилось.

Стиснув в руках кружку – простую белую фарфоровую, с узором в виде искусно подведенного глаза, – Сана посмотрела на мать.

– Убит мой арендодатель, Имран. Я обнаружила его в своем магазине сегодня утром, около пяти. Он лежал возле кассы… в луже крови. – Сана сделала глоток чая, пытаясь взять себя в руки, но на следующих словах ее голос дрогнул: – Его зарезали. У него… был нож в груди.

Каусар закрыла глаза и глубоко вздохнула. Она могла себе представить, какой ужас пришлось пережить дочери. Более того: Сане уже доводилось в жизни находить мертвое тело. На кухне тикали часы – тяжелые, богато украшенные, – похоже, давний свадебный подарок. Напряженно обдумывая ситуацию, Каусар досчитала вместе с секундной стрелкой до пятнадцати.

– Ужас какой, – тихо произнесла она. – Бета, могу я спросить, что ты делала в магазине в такое раннее время?

Сана устремила взгляд на мать.

– Мой магазин недалеко отсюда – помнишь старый торговый центр «Золотой Полумесяц»? Вот там. Иногда я прихожу пораньше, примерно на час, а то и больше. Если с вечера остались какие-то дела. А потом иду домой, чтобы собрать

девочек в школу.

Каусар промолчала, чувствуя, что это еще не все. Она не ошиблась.

– Я сразу же вызвала по телефону полицию. Меня допрашивали несколько часов, и я только под конец поняла, что они видят во мне не свидетельницу, а подозреваемую. – В голосе Саны звучали горечь и что-то похожее на страх.

– Почему они подозревают тебя? – как можно мягче спросила Каусар.

– Я не знаю! – вскрикнула Сана, опрокинув чашку с остатками чая. Коричневая жидкость быстро растеклась по стеклянной столешнице; Сана вскочила, нашла тряпку и принялась яростно вытирать пятно. – Тело нашла я; он был в моем магазине. Они выяснили, что нож был с моей витрины, и поторопились с выводами. – Она осеклась, словно наговорила лишнего.

Каусар молча наблюдала за порывистыми движениями дочери. Обычно Сану нелегко было вывести из себя. В чем причина этой нервной суеты? Вероятно, результат шока и остаточного адреналина. Каусар поднялась и наполнила кружку Саны оставшимся на плите чаем.

– А где Хамза? – спросила она, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно. Входя в дом, она заметила, что его ботинок не было ни в прихожей, ни на подставке для обуви, как и его куртки на вешалке.

– В отъезде, – коротко ответила Сана. – Он уже едет до-

мой.

Каусар отсчитала по часам еще десять секунд.

– Почему Имран вдруг оказался в твоем магазине? У вас была назначена встреча?

Сана застыла, не донеся чашку до рта.

– Нет. В наше отсутствие арендодателям не полагается заходить в арендованные помещения. Даже когда мы на месте, они должны предупредить заранее. Хотя Имран был не из тех, кто соблюдает правила.

– Что ты имеешь в виду? Он уже заходил в магазин без разрешения?

Сана задумалась, и Каусар ясно видела, что дочь взвешивает: сказать правду или отрицать.

– Судя по всему, он заходил и раньше, когда меня не было, – наконец сказала она. – Малиха однажды видела, как он выходит оттуда. У нас общий черный ход с его офисом и еще одним помещением. Я попросила его больше не заходить без меня, но он все отрицал.

Каусар обдумала этот осторожный ответ. Сомневаться не приходилось: дочь не лжет, но о чем-то умалчивает. Но в чем причина такой уклончивости – непонятно. Если Сана не собирается быть откровенной с матерью, то зачем она просила о помощи?

– У тебя в магазине есть камеры видеонаблюдения?

– Конечно, есть! – нервно ответила Сана и сделала большой глоток чая; видимо, сказывался пережитый стресс. – Я

уже отдала записи полиции. Впрочем, там ничего не разглядеть: камера сломалась на прошлой неделе и с тех пор работает с перебоями. Я давно собиралась отдать ее в ремонт.

– Досадно. Ты ладила с Имраном? – мягко поинтересовалась Каусар.

Сана пожала плечами:

– Я его толком не знала, с ним больше общался Хамза. Производил впечатление порядочного человека… Уж не настолько хорошо я его знала, чтобы желать ему смерти, – язвительно добавила она. – Полиция скоро во всем разберется.

– Расскажи про «Полумесяц». Ты хорошо знакома с другими владельцами магазинов? – спросила Каусар. Если арендодателя убили на его же территории, велика вероятность, что подозреваемыми станут владельцы всех торговых точек, а не только Сана.

Дочь вздохнула, но с готовностью ответила. Самое большое помещение занимает продуктовый магазин мистера Джина – за несколько десятилетий он стал неотъемлемой частью торгового центра. Кроме того, есть тамильская пекарня, владелицу которой зовут Лакшми, кафе-чайная, мастерская по ремонту телефонов и компьютеров (недавно сменившая владельца) и магазин роти[8]. Ни с кем из соседей-арендаторов Сана не была близко знакома, но все держались с друг с другом вежливо. Никаких кровных обид или клятв мести – если Каусар именно это имела в виду.

---

[8] Традиционные индийские лепешки.

– Прошлую ночь ты провела дома? – Каусар сама не вполне понимала, почему задала этот вопрос. Что-то во всей этой ситуации ее настораживало, хотя она не смогла бы точно сказать, что именно. Складывалось впечатление, что у них с дочерью разные цели, как если бы Каусар была следователем, а Сана – свидетельницей, не желающей сотрудничать со следствием. Это был уже полный абсурд, ведь она приехала помочь.

– Где же еще? – с явным раздражением ответила дочь. – Закрыла магазин и сразу вернулась домой. Приготовила ужин и помогла Малихе с домашкой. У Физзы был кружок по рисованию, потом мы зашли за продуктами. Примерно в девять пришли домой. Физзу я уложила в кровать, Малихе велела оторваться от телефона, совершить намаз и тоже идти спать. В десять вечера свет уже везде был выключен. В последнее время у меня самой после десяти вечера глаза слипаются. Особенно когда Хамза в отъезде и все дела на мне.

Каусар помнила, каково это – когда трое детей учатся: накормить, собрать в школу, отвезти-привезти, а потом еще на кружки и секции… Если учесть свой магазин и постоянные отъезды супруга, неудивительно, что Сана каждый вечер валилась с ног от усталости.

– Я позвоню Назиру и попрошу, чтобы он нашел тебе адвоката, – решила Каусар. Назир Хафиз был известной фигурой в общине: занимался доверенностями и завещаниями, затем расширил практику до коммерческого права в сфере

недвижимости. Он также был близким другом семьи, в прошлом году приезжал в Норт-Бей на похороны Хасана и предлагал Каусар свою помощь в случае необходимости. Сейчас необходимость была налицо. Однако Сана покачала головой; по знакомому упрямому взгляду Каусар поняла, что та не согласна.

– Мне не нужен адвокат. Да я и не смогу его оплатить. Мама, я позвала тебя не для того, чтобы ты играла в детектива.

– Тогда зачем ты меня позвала? – обиженно спросила Каусар. Она не оставила без внимания замечание дочери о стесненности в средствах – притом что огромный дом, в котором они сейчас сидели, находился в одном из самых дорогих городов мира. Каусар едва удержалась от того, чтобы обвести взглядом кухню с техникой премиум-класса и дизайнерскими столовыми приборами.

– Мне было страшно, – призналась Сана. – Хамза не отвечал на звонки, а полиция допрашивала меня с шести утра – с того момента, как я им позвонила.

– Ты сказала, что нашла тело в пять утра и сразу вызвала полицию, – вмешалась Каусар. – А почему Хамза не отвечал?

В глазах Саны снова вспыхнула досада; она устремила тяжелый взгляд на мать.

– Прости, я была немного не в себе, обнаружив в магазине мертвеца, поэтому не удосужилась запомнить точное время!

Отметив про себя, что на второй вопрос дочь не ответила, да и от первого фактически уклонилась, Каусар постаралась

разрядить ситуацию и кивком предложила Сане продолжать. На лице Саны появилось смущенное выражение.

– Я позвонила тебе, потому что… твой номер – единственный, который я помню наизусть. Мой телефон забрали полицейские.

Задумавшись, Каусар откинулась на спинку стула. Она вспомнила свое лихорадочное утро: как разволновалась, услышав изменившийся голос Саны; как без разбора побросала вещи в сумку и купила горящий билет на самолет в Торонто – город, который надеялась никогда больше не видеть. И все потому, что Хамза не ответил Сане на звонок, а других номеров она не помнила. Каусар немного больно было слышать, что дочь позвонила ей лишь от отсутствия выбора, а не потому как нуждалась в ней.

– Я не была уверена, что ты приедешь. – Сана произнесла эти слова тихо и без упрека, но Каусар восприняла их как пощечину. – Но ты и правда мне здесь нужна. Ты приехала – и мне уже лучше, – поспешно добавила Сана, взяла кружку и сделала большой глоток чая. – Серьезно, я уже несколько месяцев собиралась попросить тебя приехать. Мне нужна твоя помощь – с девочками, с домом, с готовкой. С тех пор как я открыла магазин, мне трудно со всем этим управляться. Ты можешь остаться подольше? Хотя бы до тех пор, пока я не выпутаюсь из этой беды? Думаю, это не займет много времени – может, пару недель…

Значит, мать понадобилась Сане как помощница по хо-

зяйству, не более того. Вид лежащего на кухонном столе блокнота теперь вызывал у Каусар чувство неловкости. Хуже всего то, что ей не в чем было упрекнуть дочь: Сана просто преодолевала барьеры, которые Каусар сама выстроила много лет назад, уехав из Торонто. Домработница, кухарка, нянька – вот она кто. Это все, кем она была, кто она сейчас и кем останется.

Каусар проглотила свое разочарование вместе с остатками чая:

– Конечно, бета. Сделаю все, что потребуется.

Глава 3

– Дело бесплатной сиделки, – сообщила Каусар в телефон. – Тайна бабушки-уборщицы. Казус кухарки.

Мэй от души рассмеялась:

– Слова наших детей – отточенные лезвия, которые бьют прямо в сердце.

Каусар содрогнулась от такого сравнения, невольно вспомнив слова дочери о том, как был убит Имран.

– Наверное, я должна радоваться, что мой номер телефона еще хранится в долговременной памяти Саны, а то бы она, наверное, никогда мне больше не позвонила, – пошутила она, оглядывая гостевую спальню, где устроилась после странного разговора на кухне. Комната была просторной, но обставленной старой мебелью, как часто бывает с редко используемыми помещениями. Большую ее часть занимала старая двуспальная кровать с простым белым пуховым одеялом; в углу притулился прочный, хотя и старомодный комод из вишневого дерева. Из большого окна открывался прекрасный вид на главную улицу, связывавшую основную часть города с пригородами. Имелся также чулан с коробками, набитыми старой одеждой и школьными призами внучек; отдельная дверь вела в смежную ванную.

– Я уверена, что она не хотела тебя обидеть, – утешительно сказала Мэй.

С этим Каусар была согласна. Кроме того, она также знала, что много лет огорчала Сану, с головой погрузившись в свою скорбь. Они по-разному преодолевали боль от утраты Али: Каусар ушла в себя, а Сана окунулась в студенческую жизнь, потом вышла замуж за Хамзу – после всего нескольких месяцев знакомства – и довольно скоро родила первого ребенка. Сана никогда не просила мать о помощи, даже когда растила маленьких детей, а муж редко бывал дома. Видимо, она понимала, что Каусар не в состоянии помочь никому, даже себе самой.

Теперь обстоятельства изменились. Каусар уже не была прежней и, пережив утрату Хасана, надеялась восстановить хоть какое-то подобие близких отношений с дочерью и внучками. Возможно, именно поэтому она в глубине души лелеяла надежду, что дочь тоже соскучилась по ней и позвала на помощь, имея в виду не только помощь по дому.

Однако случившееся с Саной представляло более серьезную проблему. Каусар хотела бы верить дочери, но даже короткая беседа с ней породила много вопросов. Сана называла разное время, а кроме того, она никогда не была ранней пташкой. Что она делала в магазине в такой час, тем более что девочки оставались дома одни? Она сказала, что пришла в магазин в пять утра и немедленно позвонила в полицию, но позже опровергла свои слова. Потом этот непонятный момент с камерой видеонаблюдения. Как-то уж слишком на руку преступнику случилась эта поломка, да еще орудие убий-

ства оказалось с витрины Саниного магазина. Неудивительно, что полицейские запретили ей выезжать из города. Возможно, Сана путалась и недоговаривала просто от пережитого потрясения, но Каусар начала думать, что за этим кроется нечто большее. Мысль эта пугала Каусар, хотя она отчасти испытывала даже некоторое оживление: а вдруг ей представилась возможность помочь дочери даже таким образом, о котором та и не помышляла?

– Что собираешься делать? – прервала ее размышления Мэй. – Как я понимаю, ты задумалась.

– Дочь попросила меня помочь, – ответила Каусар. – Я собираюсь выполнить эту просьбу.

– Хорошо, что я подарила тебе тот блокнот, да? – пошутила Мэй.

– Я не занимаюсь расследованием. Просто буду делать заметки, чтобы помочь дочери.

Она сама почувствовала, что разницы почти никакой. «Но это все, что я собираюсь делать», – пообещала себе Каусар. Она просто изучит обстановку и, может быть, задаст несколько вопросов. Просто для того, чтобы развеять собственные сомнения и прояснить кое-какие детали в рассказе Саны.

– Ну, пока. Держи меня в курсе событий, – попросила Мэй. – Это интереснее, чем «Расследование Мердока».

Подруга обожала этот полицейский сериал, действие которого происходит в Торонто начала XX века; они иногда

смотрели его вместе. Пообещав перезвонить в ближайшее время, Каусар повесила трубку и стала думать, что делать дальше. Сана велела ей не звонить Назиру. Что еще более странно, сказала, что у нее нет денег на адвоката. Над этой деталью стоило поразмыслить. У нее действительно проблемы с деньгами – или она недооценивает серьезность проблемы, с которой столкнулась сегодня? Скорее всего, последнее – у Хамзы была прибыльная должность директора по маркетингу в известной телекоммуникационной компании, а Сана всего год назад унаследовала приличную сумму от имущества Хасана. Если ей предъявят обвинение в убийстве, средства на адвоката у семьи наверняка найдутся. Во всяком случае, Каусар сама могла бы оплатить его услуги.

Приняв решение, она набрала нужный номер. Знакомый голос ответил после второго звонка.

– Бхабхи, я так рад, что ты позвонила! – Назир обратился к ней так, как почтительно называют жену брата (хотя в данном случае – близкого друга). – Давай как-нибудь сходим в ресторан, посидим, поговорим. Пожалуйста, скажи, что ты согласна. Я могу заехать в Норт-Бей на выходные. В конце концов, старый друг лучше новых двух. – Голос адвоката был исполнен теплоты и обаяния. Свое восхищение Каусар он всячески выражал при каждой встрече. Хасан даже называл Назира бесстыжим донжуаном.

– Можешь не ехать в Норт-Бей, я тут как раз в Торонто, – беззаботным тоном ответила Каусар.

На сей раз Назир растерялся. Когда он снова обрел дар речи, в его голосе звучало беспокойство.

– Что случилось? – По одному этому вопросу можно было судить, как хорошо он ее знает. Каусар вкратце рассказала ему, что случилось с Саной.

– Разумеется, Сана невиновна, – без колебаний заявил Назир. – Полиция Торонто просто соблюдает формальности. Я знаю нескольких адвокатов по уголовным делам. Я тебе перезвоню, сообщу имена и дам рекомендации.

Поблагодарив его и пообещав вскоре договориться о встрече, Каусар закончила разговор и обдумала дальнейшие действия. Сана уехала забирать десятилетнюю Физзу из школы. Ключи от дома она взяла с собой – достав их из маленькой черной сумочки, больше похожей на футляр для очков. Пятнадцатилетняя Малиха сама должна была прийти из школы, расположенной неподалеку. Через полчаса Каусар впервые после смерти Хасана увидит внучек, и, хотя она с нетерпением ждала этой встречи, ей хотелось немедленно взглянуть на торговый центр и – если уж быть откровенной с самой собой – на место преступления. Сана говорила, что до магазина нетрудно дойти пешком. До возвращения девочек наверняка можно успеть туда и обратно. Каусар спустилась по лестнице и обула свои прочные мокасины.

Ей руководило не только желание увидеть место гибели Имрана. Каусар мало что знала о жизни Саны в Торонто. Хотя дочь в колледже изучала бухгалтерский учет и финансо-

вое дело, на втором курсе она вышла замуж, вскоре родилась Малиха, и Сана решила прервать учебу вопреки возражениям матери. Когда Каусар однажды попыталась вернуться к этой теме, дочь и слушать ее не захотела.

«Я не хочу отдавать детей в детсад, работать весь день напролет и возвращаться домой измотанной. Хамза зарабатывает достаточно, чтобы прокормить семью. А родственников в городе, которые могли бы помочь, у меня нет», – многозначительно добавила Сана, и больше Каусар эту тему не поднимала. Однако ее опасения оправдались: в колледж Сана так и не вернулась.

Каусар хотела увидеть место, где протекает жизнь Саны, хотела пройтись по окрестностям и посмотреть на людей, которых ежедневно видят ее дочь и внучки. Она не могла сидеть сложа руки. Сана поселилась недалеко от их старого района, и призрак Али преследовал Каусар повсюду.

После секундного колебания Каусар положила блокнот в сумочку и вышла из дома, на ходу забивая название торгового центра в приложение «Карты». Торговый центр находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома; сначала по проспекту Эскола-Авеню, а потом – свернуть на запад.

В этот час улицы постепенно заполнялись школьниками и студентами, возвращавшимися домой с занятий, а также встречавшими детей родителями, бабушками, дедушками и нянями, и движение было оживленным. Чем безусловно хорош Норт-Бей – там гораздо спокойней. Даже здесь, в жилом

пригороде, Каусар чувствовала, как в потоке машин кипит едва сдерживаемая энергия. Опустив голову, Каусар торопливо перешла проезжую часть на перекрестке, едва сохранив спокойствие, когда мимо нее медленно прокатился внедорожник.

На одном из таких перекрестков стоял когда-то Али. Он перешел улицу, свернул на другую – несмотря на поздний час, уверенный в себе, молодой, непобедимый, готовый покорить мир. А потом…

Каусар зажмурилась, а когда снова открыла глаза, увидела перед собой торговый центр.

Этот квартал представлял собой часть Золотого Полумесяца – района, получившего свое название из-за его очертаний на карте. Большая вывеска «Торговый центр Золотой Полумесяц» виднелась издалека. Каусар знала, что магазин Саны расположен в дальнем углу, между лавкой с восточной выпечкой и административным офисом. Она не присутствовала на открытии магазина, но внимательно изучила присланные Саной фотографии. Правда, издалека невозможно было разглядеть детали, даже название бутика, а перед входом толпились люди, и повсюду были натянуты желтые ленты ограждения.

Возле магазинов Каусар заметила двух человек, наблюдавших за происходящим. По всей видимости, это были местные торговцы: пожилой азиат с серебристой сединой – должно быть, мистер Джин, а молодая чернокожая женщи-

на в фартуке, с длинными волосами, заплетенными в тугие косички, – наверное, Лиза из магазина роти. Полицейскими спокойно и уверенно руководил белый мужчина в штатском с выгоревшими добела светлыми волосами. Подавив желание подойти поближе, Каусар осторожно поднялась по заросшему травой склону к парковке, чтобы осмотреть центр издалека.

Торговый центр «Золотой Полумесяц» представлял собой приземистое здание из бурого кирпича, стоявшее на дне чашеобразной ложбины с вместительной парковочной площадкой по периметру. От тротуара, окружавшего здание, лестница вела наверх, к потрескавшейся пешеходной дорожке, откуда Каусар теперь наблюдала за происходящим. Невысокая крыша торгового центра оказалась теперь почти на уровне ее глаз. Странно, что дочь именно здесь арендовала помещение. Парковка почти пустовала, хотя внизу собралась толпа любопытных. Хотя, возможно, большинство посетителей приходили сюда пешком из ближайших кварталов. Пусть так, и все-таки сам торговый центр выглядел неуютным и неухоженным: между плитами дорожек пробивались сорняки, витрины магазинов явно давно не обновлялись, а навес у входа был таким низким, что Каусар до сих пор не могла увидеть название магазина Саны. Перед зданием сновали полицейские в форме, и один из них, вышедший из кафе с подносом напитков, показался ей знакомым, но он вскоре затерялся среди остальных. Каусар попыталась вспомнить,

где она его видела, но тут ее окликнул человек, стоявший у припаркованного неподалеку старого серебристого седана.

– Тетя Каусар? – На нее неуверенно смотрел высокий смуглый мужчина с резкими чертами лица и проседью в черных коротко стриженных волосах. Она его тоже не сразу узнала – в последний раз Каусар видела Сираджа Баджву, сына своей тогдашней лучшей подруги Фатимы, еще худеньким подростком. Узнав того мальчика в стоявшем перед ней взрослом мужчине по одним только карим глазам, Каусар была потрясена: как же много лет прошло. Она заметила у него в руках большую черную термосумку для доставки продуктов. Сирадж перехватил ее взгляд и покраснел.

– Не знал, что вы вернулись в город… – заговорил он.

Каусар поняла, что на сумку лучше не обращать внимания.

– Приехала помочь Сане.

Он понимающе покивал:

– Я слышал, что здесь что-то произошло. Но не знал, что Сана… к этому причастна.

– Нет, – твердо сказала Каусар. – Сана непричастна.

– Да, конечно, нет. Я неправильно выразился.

Наступило неловкое молчание. Сирадж переминался с ноги на ногу.

– Как твоя мама? – наконец спросила Каусар.

– Альхамдулиллах[9], – ответил он без всякого выражения.

[9] Хвала Аллаху.

– Пожалуйста, передавай от меня привет. – Произнесенная банальность ужаснула ее саму. Когда-то Фатима была ее лучшей, самой близкой на свете подругой. Слишком многим пришлось пожертвовать, в отчаянии покидая Торонто. Дружескими отношениями – в числе прочего.

– Ее номер не изменился, – помолчав, тихо ответил Сирадж. – Это на случай, если вы сами захотите передать привет.

Он поднял сумку и, не сказав больше ни слова, направился к магазину роти. Каусар с грустной улыбкой проводила его взглядом. Большой Торонто – крупнейший в Канаде мегаполис с населением в шесть миллионов человек – порой казался удивительно похожим на маленький городок. Несомненно, слух о ее возвращении скоро дойдет до старых подруг, общение с которыми она так внезапно прервала. Возможно, Фатима сердится и обижается на нее за долгую паузу в отношениях; и, хотя предложение Сираджа позвонить было разумным, Каусар знала, что не станет этого делать. Она поможет дочери, а потом вернется к своей тихой жизни в Норт-Бее.

Придя к этому выводу, Каусар принялась дальше изучать обстановку. Ее внимание привлекла молодая женщина, которая стояла спиной к торговому центру и, держа в вытянутой руке мобильный телефон, говорила в него бодрым звонким голосом.

– Как дела, ребята? Да, это я, ваша Брианна Чен-Малик. Я

припарковалась здесь, перед зданием торгцентра «Золотой Полумесяц» в Скарборо, куда утром нагрянула полиция. Детектив Дрейк – да, ребята, его действительно так зовут – отказался сообщать подробности, но я слышала, что стряслось что-то серьезное. Как всегда, продолжу наблюдение. Вы тоже смотрите в оба и не выключайте видеокамеры.

Она сделала жест мира и улыбнулась на камеру мобильника. Подняв глаза, она встретилась взглядом с Каусар и приветливо спросила:

– Как у меня получается, тетушка? Салам-салам.

Каусар подошла ближе.

– Коротко, но увлекательно, – похвалила она. Наскоро придумав, как объяснить свое присутствие, она сообщила, что недавно живет в этом районе и что пришла купить продуктов, а затем спросила Брианну о произошедшем.

– Убили кого-то, – не без удовольствия ответила та. – Я здесь с самого утра. Мистер Джин говорит, арестовали ту бедняжку, которой принадлежит магазин модной дорогой одежды деси[10]. – Брианна указала на пожилого азиата, который теперь стоял один. Чернокожая женщина куда-то ушла. – Это хозяин здешней бакалеи. Мама говорит, он держит низкие цены, не то что душители-капиталисты, у которых даже хлеб дорожает.

Согласившись, что повышать цену на хлеб стыдно, Кау-

[10] Самоназвание представителей южноазиатских диаспор. Используется по отношению к носителям и продуктам культур данного региона.

сар тем временем внимательно присмотрелась к собеседнице. Брианна правильно произносила «салам» и «деси»; у нее была гладкая смуглая кожа, большие, слегка раскосые глаза, обрамленные густыми темными ресницами, а волнистые от природы волосы спускались на плечи красивым каскадом. На ней были укороченный топ, спортивные штаны, яркие кроссовки и расстегнутое худи, не скрывавшее обнаженных плеч.

– Вы репортер? – спросила Каусар. Брианна рассмеялась, показав крупные, очень белые зубы.

– Я общественница! Тетушки из мечети называли меня смутьянкой!

Брианна сделала паузу, давая Каусар возможность переварить эту информацию. Вероятно, она ожидала вопроса, мусульманка ли она сама и какой национальности. «Очень может быть, что девочку часто спрашивают, кто она и к какой общине принадлежит, и эти вопросы ей не по душе», – подумала Каусар и просто улыбнулась в ответ.

– Что-нибудь еще вам удалось узнать? Например, кого убили?

Брианна окинула Каусар оценивающим взглядом, но лишь пожала плечами.

– Копы с такими, как я, не откровенничают. Но они разговаривали между собой, а слух у меня фантастический. Убили Имрана – того чувака, которому принадлежало это здание. Но не жалейте его, это был неприятный тип.

– Почему вы так думаете? – заинтересовалась Каусар.

– У моего отца был здесь магазин, но, когда владельцем стал Имран, папе пришлось уйти. Слишком много мороки, а Имран вечно что-нибудь замышлял. Ходят слухи, что центр выставлен на продажу. Какой-то застройщик хочет поставить здесь многоэтажки, квартиры в которых будут здешним жителям не по карману. – Брианна криво усмехнулась. – Вы сегодня красиво меня раскрутили на информацию, тетушка, даже без особых усилий. Постараюсь впредь брать с вас пример. Удачного вам дня! – Она сложила руки в *намасте,* и Каусар улыбнулась, очарованная неуемной энергией молодой женщины.

Попрощавшись с Брианной, Каусар подошла поближе к магазину Саны, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Толпа немного поредела, и она смогла разглядеть по бокам от входа в магазин две большие квадратные вазы с яркими цветочными композициями. Над входом, оформленным сдержанно, но стильно, витиеватым шрифтом было выведено название: «Фасоны Мухаббат». Мухаббат на языке урду означает «любовь», и Каусар показалось странным, что ее рассудительная дочь выбрала такое экстравагантное название. Она перевела взгляд на витрину, где вместо безликих манекенов красовалась стилизованная композиция из ярких, богато украшенных традиционных индийских нарядов, развешанных на черном, усыпанном звездами фоне. Один костюм висел с разведенными в стороны рукавами, другой

был разложен внизу вместе с подходящими аксессуарами – браслетами, серьгами-шандельерами и серьгами-джумками, богато украшенным ожерельем и массивным колье с тонкой серебряной филигранью. Костюм, состоявший из парчового шервани[11], кремового тюрбана и туфель с загнутыми носками, представлял свадебный наряд индийца. Взгляд Каусар задержался на усыпанных драгоценными камнями ножнах церемониального кинжала, висевших на поясе, также украшенном драгоценностями. В стародавние времена такие мог бы носить какой-нибудь махараджа. У Каусар упало сердце, когда она увидела, что кинжала в ножнах нет.

– Извините, мэм, прошу вас отойти, – вдруг строго сказала ей женщина-полицейский. – Здесь недавно было совершено преступление.

– Это магазин моей дочери, – не подумав, проговорила Каусар и тут же пожалела о своих словах. Сбоку на нее надвинулась чья-то тень, и она узнала в подошедшем светловолосого детектива Дрейка, чью фамилию слышала от Брианны.

– Миссис Саид говорила, что у нее нет родственников в городе, – обратился к ней Дрейк. Встретившись с ним взглядом, Каусар поняла, что он старше, чем казался на первый взгляд, – самое меньшее под пятьдесят: дряблая веснушчатая кожа, волосы седые, а не светлые. Глубоко посаженные

[11] Длинное мужское полупальто в странах Южной Азии, традиционно ассоциируется с индийской знатью.

карие глаза смотрели на нее хмуро и с подозрением. Когда детектив немного повернулся, Каусар увидела у него на боку контуры спрятанного под рубашкой пистолета.

Это был тот самый офицер полиции, который запугивал Сану и хотел продержать ее в участке весь день. Каусар с вызовом вздернула подбородок:

– Я прилетела только сегодня утром, детектив Дрейк.

Тот лишь приподнял бровь, но она так и не поняла, удивило ли его, что она знает его имя. Возможно, это была реакция на то, что она не смутилась.

– Если вы прилетели помочь дочери, почему вы здесь, а не с ней, миссис Хан? Или вам просто любопытно, как и всем остальным? – Дрейк презрительно посмотрел на все еще толпившихся вокруг людей.

– Моя дочь поехала забрать детей из школы, – осторожно ответила Каусар. – Я вышла прогуляться, и да, мне тоже любопытно. Я никогда здесь раньше не была.

– Никогда не были в магазине своей дочери? – Взгляд детектива стал еще жестче. – Вероятно, живете за границей? Если так, то быстро же вы добрались до Торонто.

– Я живу в Норт-Бее, детектив, – сообщила Каусар.

– Судя по всему, ваша помощь нужна была дочери раньше. Жаль, что вас не было рядом. Может быть, тогда она не попала бы в беду…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.